

**ББК 87.22**

**УДК 130.2**

**Н. А. Царева,**

*доктор философских наук, доцент,  
Тихоокеанское высшее военно-морское училище  
им. С. О. Макарова, г. Владивосток,  
nadezda58@rambler.ru*

## **ОСОБЕННОСТИ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ТЕКСТУ В РУССКОМ СИМВОЛИЗМЕ**

В статье рассматривается концептуальное значение герменевтики в русском символизме. Обращение к герменевтическому методу теоретиков символизма связано с усилением внимания к сфере сознания субъекта, возможностью сопряжения реальности и сверхреального. Идея о тождестве части и целого лежит в основе понимания Вяч. Ивановым культуры как текста. Понимание текста осуществляется с личностных позиций. Герменевтический метод позволяет осмыслить и объяснить факты сознания.

**Ключевые слова:** русский символизм, Белый, Иванов, герменевтический метод, внерациональные методы познания

Культура постиндустриального общества – это культура техники, технологий и информации. Все знания материализованы в текстах. Необходимость постижения множества смысловых планов требует от читателя размышлений и интуиции. Герменевтика помогает человеку открывать множественные пласты текста, что в конечном итоге способствует пониманию не только текста, но и самого себя, общественных и исторических процессов. Отсюда внимание современных философов и филологов к проблемам понимания текста. С этой точки зрения, выявление особенностей и роли герменевтического метода в учении символистов представляет особый интерес.

Проблема герменевтического анализа текста в русском символизме, рассматривается в ряде научных работ: О. Астахов, В. Айрапетян, К. Исупов, О. Платоненко, Н. Царева и др. [1]. Исследователи отмечают очевидный интерес русских символистов к модели процесса понимания как к круговой структуре герменевтического познания. Обращение к герменевтическому методу теоретиков символизма связано, прежде всего, с увлечением

вопросами реализации «я» индивида, возможностью сопряжения реальности и сверхреального, проблемой бессознательного и интуиции. Для символистов герменевтический анализ как внерациональный является приоритетным. Интерпретация позволяет полно представить произведение на всех уровнях его структуры, проникнуть в глубинный смысл текста, структурировать неясные, противоречивые формы произведения, понять характер и психологию автора. В настоящей статье мы обратим внимание на специфику восприятия герменевтики, приобретающей в символизме концептуальное значение.

Вопрос понимания текста является одним из центральных в учении символизма. Представители этого культурного феномена в осмыслении культурных традиций обращаются к герменевтическому методу, способному дать полное представление о произведении на всех уровнях его структуры. Проникнуть в глубинный смысл текста, структурировать неясные, противоречивые формы произведения, понять характер и психологию автора позволяет интерпретация – постепенный переход от явного смысла к скрытому. Символизм вносит свою специфику в понимание герменевтики. Следует рассмотреть основные положения в осмыслении герменевтического метода в русском символизме.

Во-первых, теоретики символизма следуют основным положениям герменевтического метода и модель процесса понимания конструируют соответственно принципу герменевтического понимания текста.

Теоретики символизма убеждены, что подход к тексту нужно осуществлять с личностных позиций, и символизированный круг должен открываться через предмет понимания смысла в самом себе. Понимание – есть самопонимание, так как в проявлении чужой индивидуальности не может выступать ничего такого, чего не было бы в познающем субъекте. Интерпретатор может усмотреть в понимаемом материале то, что уже есть в нем самом. Цель понимания состоит в перенесении смысловой связи из другого мира (исторического, личностного) в собственный.

Человеческий опыт истины символисты рассматривают шире, чем область научного познания. Действительно, во всех формах духовно-практического освоения мира человеком (политика, искусство, нравственность, историческая традиция и т.д.) мы имеем дело не только с объективным познанием, но также с субъективным переживанием истины. Истина, по убеждению мыслителей, это не только характеристика познания, но и характеристика бытия. Она

не может быть целиком усвоена при помощи метода, а может лишь приоткрыться для осмысления понимающему. Истина «свершается», и преимущественный способ ее свершения – искусство создания и расшифровки символов (понимание). Так символисты приходят к выводу, что понимание задаётся личностным опытом человеческого «Я», в результате процесса понимания неизбежно создаётся собственный авторский текст.

Символическое искусство Вяч. Иванов связывает с бессознательным творчеством. Метафизические глубины мира открываются посредством интуиции. Основные этапы познания в учении Иванова соответствуют этапам круговой структуры герменевтического познания, определенного Ф. Шлейермахером. Принцип герменевтического понимания текста предполагает: а) выдвижение некоторой гипотезы, в которой содержится предчувствие или предположение смысла как целого; б) интерпретацию, исходя из этого смысла, отдельных его фрагментов, т.е. движение от целого к его частям; в) корректировку целостного смысла, исходя из анализа отдельных фрагментов, т.е. обратное движение от частей к целому.

Понимание рассматривается Ивановым как процесс, в котором под внешним покровом явлений, чувственно данных знаков художник раскрывает внутреннее содержание: первым моментом познания в учении Иванова, как в герменевтическом круге, становится предпосылочное, т.е. первичное понимание. Пребывание в некоторой низшей реальности дает художнику, так или иначе, представление о том, что предстоит понять. Каждый субъект имеет познание себя изнутри, имманентное знание о себе и мире. Содержание первичного понимания определяется традицией культуры, к которой принадлежит субъект. Вторым моментом является удаление в сферу сознания, которая находится вне этой реальности. Третий момент представляет собой совмещение имманентного пребывания в познаваемом и его трансцендентное созерцание. Интерпретатор открывает символизированный круг через предмет понимания смысла в самом себе. Речь идет об умении видеть и изучать явление как внутренне соотношенное с человеческой субъективностью. С помощью интерпретации реальность отражается в соответствии с жизненными реалиями, в определенном аспекте.

Интуитивные силы пробуждаются у художника на втором этапе, когда творческий дух в трансцендентной сфере, не связанный с переживаемой действительностью, испытывает состояние «восхождения». Иванов представляет процесс «восхождения»

как пересечение сферы миражей и иллюзий на пути к высшим истинам. Если художник не отказывается от своих страстей и вожделений, он не доберется до подлинной вершины, и тогда в его произведениях отразится только субъективное видение мира. Но если художнику удастся полное восхождение, ему откроются «родники интуиции» и «начертания знаков реальностей как некие первые оболочки мира бесплотных идей» [4, 210]. Тогда, при возвращении из трансцендентного мира, для художника будут безопасны иллюзии, он сможет их оценить объективно. Тот, кто достиг области интуитивного прозрения, приобретает объективное видение мира. Именно поэтому Иванов полагает, что «дионисийское волнение интуитивного мига» всегда завершается аполлинийскими видениями.

Во-вторых, в русском символизме текст рассматривается как история мира, целостная культурная вселенная, в исследовании которой необходим герменевтический метод.

Идея тождества отдельного явления и мира в целом с текстом рассматривается в работах Вяч. Иванова. Истоки этой идеи лежат в учении Вл. Соловьева о существовании абсолютного в единичном явлении: «...истинное поэтическое созерцание видит абсолютное в индивидуальном явлении, не только сохраняя, но и бесконечно усиливая его индивидуальность» [7, 243]. Идеи Соловьева и «Монадология» Лейбница – учение о конкретно-целом, двуединстве в единстве – лежат в теории Иванова о свертывании макрокосма и разворачивании микрокосма. Называя символ монадой, Иванов утверждает идею тождества части и целого, микрокосма и макрокосма, согласно которой монада-микрокосм, отдельная замкнутая целостность, содержит в себе в свернутом виде все ей внеположное – макрокосм. В малейшем фрагменте вмещена вся целостность мира.

Идея о тождестве части и целого лежит в основе понимания Ивановым культуры как текста. Каждый текст и вся их совокупность, полагает Иванов, представляет собой части целостности культурной вселенной, включающей в себя и Евангелие, и Пушкина, и современные произведения. В каждом конкретном тексте, как в микрокосме, отражается макрокосм. Вселенская культура – это гипертекст, содержащий различные смыслы. Герменевтический метод позволяет сформулировать Вяч. Иванову свое понимание культуры, которое основывается на идее тождества части и целого. По словам А. Ф. Лосева, все творчество Иванова «есть умозрение и видение мира в целом» [6, 159].

Герменевтический анализ текста в учении Иванова наделяется онтологическим статусом. Герменевтический анализ текста способен

дать новую картину мира. Желая доказать, что бытие человека заключается в понимании, мыслители обращаются к философской герменевтике. Понимание трактуется не только как способ познания, но способ существования человека. В работах Иванова герменевтика предстает не столько искусством толкования текстов, но онтологическим учением. Понимание входит в структуру самого бытия: от того, как люди понимают друг друга, различные культуры, зависит их жизнь. Кроме того, расширенное понятие текста, которым может быть история, жизнь человека, народа, природы и т.д., дает множество знаков, которые необходимо понять для создания картины мира. Так в учении Иванова интерпретация становится специфическим родом бытия.

В-третьих, герменевтика в символизме становится искусством толкования многозначных символов. С точки зрения символистов, каждая вещь представляет собой материальное, единичное воплощение идеального, общего, поэтому свою задачу мыслители видят в выявлении специфики взаимодействия в символе вещи и смысла. В образном слове, содержащем в себе беспредельную информацию о вселенной, символисты видят средство проникновения в мир явлений для постижения сокровенной связи сущего. По словам М. Бахтина: «Символ для них не только слово, которое характеризует впечатление от вещи, не объект души художника и его случайной судьбы: символ знаменует реальную сущность вещи» [2, 375].

Русские мыслители стремятся обнаружить в слове изначально заложенный творческий потенциал. В слове происходит сближение образа и вещи. Слово и вещь как бы отождествляются, реальность и символика выступают в единстве. Мысль проявляется через слово, причем каждый акт говорения является творческим процессом, в котором не повторяется уже готовая истина, но рождается новая. Слово называет «по именам» еще не освоенные сознанием вещи и тем самым расширяет сферу сознания. Слово символисты понимают как первичный метод познания, поскольку назвать – это уже познать. Символ прикасается к первородному, изначальному, дает «мерцать» несказанному, спланирует в себе мирское и божественное и показывает пути к иному миру. Поэтому для символистов характерно особое культурное отношение к языку, слову, способному преобразовать действительность.

Вяч. Иванов полагает, что памятники слова, язык составляют главнейший материал для исследователя. Одним из основных методов понимания текста Иванов видит герменевтику. Различая «низшую критику» и герменевтику, Иванов отдает предпочтение последней.

«Низшая критика» как точная часть филологии требует научной строгости, соблюдения определенных норм, выработанных наукой. Простейшие способы объяснения важны для обретения связности понимания, поэтому Иванов не отрицает значения археологических открытий. В то же время он считает, что герменевтика как наиболее истинный метод познания позволяет понять, что собственно и как говорят нам в литературных памятниках древние, на что они намекают своим словом.

«Высшая герменевтика» предполагает восхождение «по ступеням обобщения до эмэндации и интерпретации текста к объяснению и оценке всего произведения, далее – всего автора, потом всего представляемого им направления и литературного рода, наконец – к характеристике духа эпохи и даже к философскому истолкованию той или иной стороны античного сознания и творчества в целом» [5, 423]. В герменевтике интуитивный элемент преобладает над позитивным, и поскольку исследователь не в силах доказать свои идеи, то форма выводов бывает чаще всего гипотетической. Иванов убежден, что герменевтика ничем не уступает точным научным методам, так как в любой науке высшая область познания осмысливает преимущественно внерационально.

Иванов не исключает использования в исследовании «нижней критики», привлечение исторических свидетельств и мнений исследователей, несомненно, даст результат. Действительно, герменевтический анализ текстов включает в себя исторический анализ, поскольку понимание словесных памятников возможно при установлении внешней и внутренней причинности явлений, а также их органической связи. На этой исторической почве на первом месте оказываются общие факты, а индивидуальное теряет часть самостоятельного значения, но не исчезает. Как и другие символисты, Иванов полагает, что познание мира требует выхода за пределы индивидуальности, которая становится типическим выражением общего, коллективного. Индивидуальное рассматривается как «такое отклонение от общего, по которому возможно определить направление магистрали <...> чем зорче взгляд наш устремляется на общее, тем индивидуальнее окрашивается в наших глазах источник» [5, 425]. Мы никогда не примем слова Платона за общее мнение, содержание которого открывается в конкретном высказывании философа.

Итак, в теории символизма, в связи с особым пониманием слова, символа, герменевтика понимается как искусство толкования иносказаний, многозначных символов. Следовательно, герменевтика как интерпретация языка является действенным способом познания бытия.

В-четвертых, герменевтический метод может быть рассмотрен как наиболее действенный в осмыслении проблем, связанных с пониманием экзистенции человека, отношений между людьми в различных сферах жизни: духовной, социальной, экономической.

О механизмах интуитивного постижения сущности слова размышляли виднейшие представители символизма. Обнаружение истины, проявляющейся в символах, доступно творческой личности. Интуиция есть внерациональный процесс осознания бессознательного. Переход в сферу сознания элементов из бессознательного достигается посредством языка. Сознание есть раздвоение субъективного на «Я» и «не-Я», которое достигается посредством вербализации. Субъект выделяет себя из окружающей среды и противопоставляет себя ей. Человек благодаря своему субъективному сознанию, отрешившись от себя, может вернуться к себе и воспроизвести свой внутренний мир с помощью языка.

В связи с этим проблемы подсознания, интуиции, предвосхищения являются ключевыми в теории символизма. Если истина, скрытая в глубине сознания, проявляется через конкретные слова, символы, события, значит, истина может быть обнаружена в рамках определенного контекста. Сущность человеческого сознания выражается в словах, интерпретация которых способна открыть глубину внутреннего мира.

Если объектом интерпретации становится человеческий дух, то герменевтический метод позволяет осмыслить и объяснить факты сознания. В герменевтическом анализе текста, считает Вяч. Иванов, необходимо весь фактический материал разделить на факты сознания и факты материальные, при этом первые будут иметь приоритетное значение. Для доказательства этой идеи, Иванов обращается к античности и рассматривает религию Диониса. По мнению философа, культ Диониса связан с идеями жизни и смерти, представленными в вечных общечеловеческих символах. Поэтому обряд поклонения Дионису, выражающий сознание, дух человека, устойчив по своей природе, и его символика имеет непреходящий характер. Сверхчеловеческие существа, испытывающие страдания, переживающие смерть и воскрешение, представлены в мифах различных народов. Поэтому миф принимается Ивановым как живая летопись духовной жизни народа. В мифе вопрос о примате материи над сознанием отступает на второй план. Проблемы социально-экономического характера становятся принципиальными уже в последующем этапе развития, когда сформировано ядро сознания. Основным, первичным фактом сознания Иванов считает идею

дионисийства как идею умирания и воскрешения. Это простейшее и конкретное содержание находится в глубине нашего сознания под оболочкой новейших культурных образований. Обнаружить его сложно, поскольку, когда снимаешь позднейшие культурные наслоения, необходимо понимать, что они также содержат в себе «это ядро истари живой и жизненной правды душевного состояния» [5, 427].

Согласно символистской концепции традиции, в разные эпохи человеческая деятельность проявляется по-разному, и, тем не менее, ее проявления имеют тесную органическую связь. Через понимание сознания можно обнаружить тесную связь различных культур и эпох. Параллельность развития культурных форм обусловлена, по Белому, глубинными соответствиями человеческого духа.

Произведение искусства остается реальным и через столетия, поскольку сознание читателя переживает одновременно прошедшее и настоящее. Когда читатель погружается в сознание прошлых эпох, он извлекает из него нечто единичное, то, что необходимо только ему. В процессе осмысления фактов сознания происходит не только понимание интерпретируемого, но и понимание себя как интерпретатора.

Переработка текста прошлых культур, полагает Белый, требует освобождения от образов старого текста, как от преград в сознании. Возможность нового видения культурного наследия Белый связывает не с осознанием исторической эпохи, не с усвоением традиционных понятий, но с осознанием других культур через призму индивидуального сознания.

«Расширение сознания» Белый понимает как сопереживание индивидуальным сознанием различных культур, пересечение личным «Я» всех других «Я» не только своего времени, но и прошедшего. Для такого «Я» время расширяется, оно становится множественным, пространственные границы разрушаются, и создается новое видение всей предшествующей культуры. Переосмысление текста возможно через свое личное сознание и индивидуальное сознание автора.

Модель расширения сознания «Я» Белого напоминает герменевтический круг, в котором при движении «...каждая точка в развертываемой спирали есть миг осознания в новом себя; это новое осознание, или сознание в собственном смысле; оно настоящее; и оно – в постоянной текучести, в неповторяемости любого момента; и – в новом всегда» [3, с. 219]. Когда душа человека соприкасается с прошедшим, то сознание способно переработать всю сумму прошедшего. Закономерность поступательного движения по спирали необходимо предполагает сосуществование прошлого, настоящего

и будущего. Осознание всех уже бывших моментов сознания очерчивает перспективу движения вперед.

Таким образом, интерес к герменевтическому методу символизма показывает, что в социокультурной сфере этот метод является для них приоритетным по отношению к рациональным методам. Задачи философской герменевтики с ее трактовкой понимания как способа существования человека, наиболее близки замыслам теоретиков русского символизма.

Современная духовная ситуация заставляет по-новому прочитывать уже знакомые тексты. Через раскрытие многозначности текста познается духовная жизнь человека и общества. Размышления о значении герменевтического метода в русском символизме позволяют рассматривать его как наиболее значимый метод современного анализа человека и мира.

### Литература

1. Астахов, О. А. Идеи русского символизма конца XIX–нач. XX века в русской культурно-исторической типологии П. Сорокина / О. А. Астахов // *Обсерватория культуры*. – 2015. – № 6. – С. 62–66; Исупов, К. Символизм и герменевтика / К. Исупов. – Sicdlee. – 2012. – 47 с.; Платоненко, О. М. Истина и образ. Символизм и философская герменевтика / О. М. Платоненко. – Барнаул, АГПУ, 2005. – С. 148–154.; Царева, Н. А. Философия культуры русского символизма и европейского постмодернизма (компаративистский подход) / Н. Царева. – СПб., 2011. – 493 с.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 375 с.
3. Белый А. История становления самосознающей души / А. Белый // *Душа самосознающая*. – М.: Канон+, 1999. – С. 87–438.
4. Иванов, Вяч. Мысли о символизме / Вяч. Иванов // *Родное и вселенское*. – М.: Республика, 1994. – С. 162–230.
5. Иванов, В. Дионис и прадиионисийство / В. Иванов // *Эсхил. Трагедии*. – М.: Наука, 1989. – С. 6–21.
6. Лосев, Проблема символа и реалистическое искусство / А. Ф. Лосев – М.: Искусство, 1976. – 367 с.
7. Соловьев, В. С. Чтения о Богочеловечестве / В. С. Соловьев // *Собр. соч.*: В 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1988. – С. 243.

**PECULIARITIES OF THE HERMENEUTICAL APPROACH  
TO THE TEXT IN RUSSIAN SYMBOLISM**

*N. A. Tsareva*

**Abstract**

The article deals with the conceptual significance of hermeneutics in Russian symbolism. The use of the hermeneutic method by the theorists of symbolism is associated with increased attention to the sphere of consciousness of the subject, the possibility of conjugation of reality and the superreal. The idea of the identity of the part and the whole underlies the understanding of culture as a text by Vyach. Ivanov. Understanding of the text is carried out from personal positions. The hermeneutical method allows us to comprehend and explain the facts of consciousness.

**Key words:** Russian symbolism, Belyi, Ivanov, hermeneutical method, non-rational methods of cognition